

СВОБОДА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Введение

Одной из социальных ценностей, смело относимых к завоеваниям современного общества, базирующегося на рыночной экономике и принципах гражданского общества, называют по праву свободой. Личная свобода рассматривается всегда в контексте «включенности» в социальное действие. Тяготение к свободе, желание к личной независимости естественно для природы сегодняшнего эмансипированного, «расколдованного» человека, именно поэтому свобода стала ценностью. «Желание свободы возникает из опыта угнетения, то есть из чувства, что ты не можешь уклониться от действия, которое ты предпочел бы не совершать (или не можешь воздержаться от его совершения, не подвергаясь риску наказания, которое еще более неприятно, чем подчинение исходному требованию), или же из чувства, что ты не можешь сделать то, что хотел бы сделать (или не можешь сделать это, не подвергаясь риску наказания более болезненного, чем воздержание от данного действия)» [1, с. 68]. Естественно также и то, что если человек может определить, что с тем или иным другим человеком или группой ему не комфортно, он стремится свести к минимуму контакт с ними и уединиться с более близким по духу кругом людей (семья, соседи). Особенно заметно, по мнению современных исследователей, у людей тяготение контактами с государственной бюрократической машиной, публичности своей жизни они все больше предпочитают электронную коммуникацию. Однако и микрогруппы могут стать источником угнетения, как пишет Зигмунт Бауман в своей работе «Свобода». С другой стороны, при формально закрепленных в законодательстве свободах и правах человек все больше понимает, что в современном обществе он не свободен и угнетен, причем, в отличие от средневековья, он не сможет явно увидеть источник угнетения.

Потребление как доступ к приватности

В связи с высокой дифференциацией труда в современном обществе между планом действий любого индивида и конечным результатом его действий находится огромная дистанция,

которая содержит в себе множество других людей, целых социальных институтов, других желаний, приказов. Проще говоря, живя в обществе и пытаясь в нем совершить какое-либо действие, человек столкнется с мощью бюрократического аппарата. Порой сотрудники бюрократического аппарата даже наверняка не знают конечной цели выполняемых ими операций, они лишь ответственны за один из этапов реализации какого-либо действия со стороны людей, обратившихся к ним. Если раньше говорили о крепостном праве, то и теперь нельзя сказать, что передвижения по стране свободны. Контроль, конечно, целесообразен и нужен в целях безопасности. Но, скажем, институт прописки в Казахстане еще не полностью изжит, армейская повинность вынуждает мужчин призывного возраста прикрепляться на учет в мобилизационные пункты. Даже научная мысль, прежде чем она в форме отчетов об исследованиях и выводах к ним ляжет на стол в министерстве, она пройдет ряд кабинетов с печатями, не имеющих никакого отношения к науке. Чтобы получить средства на научные исследования, ученый в Казахстане вынужден быть несвободным и просит помощи или у Министерства Образования и Науки, или у Фонда Сороса, образно говоря. «Эту общеизвестную трудность в локализации виновников многих очевидных несправедливостей Джон Лаке объясняет «медиацией действия» – тем фактом, что в сложном обществе с многомерным и досконально разработанным распределением труда инициатива и фактическое осуществление большинства действий редко совпадают в одном лице; как правило, имеется длинная социальная дистанция между приказом и его исполнением, между планом и его реализацией, дистанция, заполненная многими людьми, каждый из которых очень слабо осведомлен об исходном намерении и конечном назначении той деятельности, в которую вносит свой вклад» [1, с. 69]. Общество, которое гарантирует права и свободы, где власть носит светский характер, одновременно является источником угнетения человека. Таким образом, хотя и свобода желанна, источники ее угнетения социальны по своей природе и вынуждают нас быть «социальными беженцами». Пожалуй, свобода как ценность если не миф, то труднодостижимая на практике вещь. Абсолютная свобода невозможна. Мы находимся в плену не только у бюрократического аппарата, но в плену культуры, языка, без которых невозможно социализировать человека. Человек, будучи свободен от общества и одинок,

практически не имеет шансов на выживание в условиях дикой природы. К тому же свобода имеет смысл, когда есть выбор, а он возможен в условиях жизни в человеческом обществе. Стара истина, гласящая, что человек обречен на жизнь и несвободу в обществе. Менее радикальное понимание свободы, ее облегченный вариант называют «приватностью». «Приватность – это право предотвращать (refuse) вторжение других людей (как индивидов или как агентов какой-то надиндивидуальной инстанции) в конкретные места, в конкретные моменты или во время конкретных занятий» [1, с. 71]. Приватность есть неполная свобода, свобода ровно настолько, сколь может обеспечить сегодняшнее самое демократическое общество. То есть это и есть право частной жизни, ее неприкосновенность. Сюда входят медицинская тайна, тайна переписи, тайна финансовых операций и так далее. Приватность как лакмусовая бумажка для общества, позволяющая каждому ощутить возможные последствия безграничной свободы. Приватность легко потерять в современном обществе, право на нее имеют лишь те, кто пожертвовал гораздо большими свободами при соблюдении правил социальных игр. Для тех, кто их нарушил, предусмотрены все карательные органы общества контроля: тюрьмы, спецлечебницы, спецшколы. И даже при условии соблюдения всех правил человеческого общежития уровень доступа приватности напрямую зависит от финансового достатка – «больше приватности» у элиты, обладающей персональными охранниками, водителя, врачами, транспортом. Приватность нужно не только заслужить, но и заработать в современном обществе. К тому же свобода, которую так пропагандируют в современном обществе, возможна, если человек сам будет ответственен за свою жизнь, иметь достаточный стартовый капитал для дальнейшего развития. Обрушившаяся свобода оказалась не под силу многим людям, которые привыкли перекладывать ответственность с себя на власть, политиков, правительство, общину и так далее. Именно поэтому, объясняет Бауман, идет ренессанс института сильной власти, сильной руки, обещающей стабильность, четкий план действий и порядок, от которых, в тоже время, недалеко до авторитаризма. Многие могут не согласиться с тем парадоксальным выводом, что время социальных пионеров, людей self-made, ушло. Если человек не успевает взять максимально возможное благо из предлагаемой свободы, он переходит в категорию проигравших по отношению к тем, кто добился большего.

«Для большинства тех людей, которые, живи они полтора века назад, скорее всего, вступили бы в беспощадную конкурентную борьбу за богатство и власть, теперь дорога к приятной жизни пролегает через максимальную конформность по отношению к институционально закрепленным целям, правилам и образцам поведения. Чтобы преуспеть, они должны пожертвовать тем, что сам себя сделавший герой предпринимательского капитализма считал неотъемлемой частью свободы. Точно так же они должны примириться с гораздо большей порцией угнетения, нежели та, на какую согласились бы их предприимчивые предки. Они должны принимать приказы, демонстрировать готовность подчиняться, кроить свои действия по мерке, заданной их начальниками. Как бы высоко они ни поднялись в богатстве, власти или славе, они по-прежнему сознают, что «за ними смотрят» – что их наблюдают и контролируют, как надзирателей среднего звена в паноптиконе Бентама. Традиционная капиталистическая модель свободы – не для них. Их тяга к свободе вынуждает искать другие выходы, находить новые формы. На территории, где добывается богатство, почти не осталось незастолбленных участков. Однако отсюда не обязательно следует, что свободе не предоставлено никакого альтернативного пространства» [1, с. 77]. Свобода в сфере труда ограничена жесткой корпоративной культурой, но свобода теперь, как упоминалось выше, предоставляется в потреблении. Так как соперничество в сфере власти более изматывающее, соревнование в потребительстве символов носит более безопасный характер. К тому же соперничество среди людей за обладание знаками, символами (уже не просто товарами) выгодно существующей капиталистической системе. Прежние паноптические методы контроля могут вызывать агрессию, к тому же дороги в эксплуатации. Теперь уровень свободы можно контролировать за счет средств потребительской системы. Главная ценность, которая внушается вместе с тем в современном обществе – потребление, теперь капиталистическая система не испытывает нужды в больших количествах рабочего класса или армии. «Одно из различий между «верхами» и «низами» заключается в том, что первые могут оставить далеко позади, покинуть последних, но не наоборот. В современных городах установился «апартеид по районам»: те, кто может себе это позволить, покидают грязные и убогие кварталы, к которым «прикованы» другие – те, кому переезд не по средствам» [2,

с. 125]. По мнению Баумана, одни не могут «упиться» доступной свободой, вечные кочевники, другие же также страдают от свободы, но только предоставленной им в пределах их ареала обитания. Элита, «верхи», потребляют эмоции и ощущения от постоянных перемещений по миру, причем радость им доставляет сам процесс, а не конечное пребывание в каком-либо регионе. «Для жителей первого мира – все более космополитичного, экстратерриториального мира глобальных бизнесменов, менеджеров культуры, ученых – государственные границы открыты подобно тому, как не существует их для товаров, капитала и финансов. Для обитателя второго мира стены иммиграционного контроля, законов о праве на жительство, политики «чистых улиц» и «нулевой терпимости» становятся все выше; рвы, отделяющие их от возжеленных мест и лелеемого в мечтах избавления – все глубже, а мосты, при первой же попытке их пересечь, оказываются подъемными. Первые путешествуют, куда пожелают, получают от путешествия немалое удовольствие (особенно, если летают первым классом или частными самолетами), их уговорами и посулами побуждают к путешествиям, а когда они трогаются в путь, встречают улыбками и распростертыми объятиями. Вторые путешествуют тайком, зачастую нелегально; иногда им приходится выкладывать больше денег за место в переполненном четвертом классе вонючего видавшего виды судна, чем первым – за позолоту и роскошь бизнес-класса, и при этом их встречают хмурыми взглядами, а если не повезет, то и вовсе арестовывают по прибытии на место, а затем депортируют обратно» [2, с. 128-129]. В современном мире глобализации Бауман делит людей на два типа – туристы и бродяги. К первым относятся техническая элита, менеджеры высшего звена, звезды шоу-бизнеса, политики, ко вторым – те, чьи доходы зачастую ниже среднего. Туристы ездят по свету, потому что страны и города кажутся им привлекательными, где они могут удовлетворить свои эстетические потребности, они путешествуют ради переживаний; бродяги – в силу того, что у них нет альтернативы.

Глобализация – свобода или рабство?

Отечественные исследователи придерживаются осторожных оценок процессов глобализации [3], [4], полагая, что она может тем или иным образом помешать развитию казахстанского общества, а также в какой-то мере способствовать утрате свободы.

Отечественный философ Колчигин отмечает, что знак равно нельзя ставить даже между исламскими и традиционными казахскими ценностями. Традиционные ценности всегда отличаются от любых религиозных. И внутреннюю идентичность, самость нельзя связывать с внешними факторами. В первую очередь, по мнению исследователя, идентичность определяется внутренней природой, а внешнее воздействие в виде идеологий, социальных институтов может иметь негативный характер.

Другой отечественный философ Сартаева отмечает, что в современном казахстанском обществе доминирующие ценности двух крупных этносов республики – казахов и русских – являются достаточными для успешной трансформации казахстанского общества. И не все реформы извне несут пользу. «Здесь необходимо отметить, что навязываемый постсоветским государствам (в том числе, Казахстану) такой поведенческий императив, как индивидуализм, размывая и русскую, и казахскую идентичность, серьезно препятствует процессам консолидации, солидаризации, чем, соответственно, в известной степени, не помогает решению жизненно необходимых задач постиндустриальной трансформации нашей страны» [4, с. 91].

В книге Эндрю Харрелла «К глобальному порядку» указывается ряд причин, из-за которых конструирование одного большого сообщества вызывает сомнение [5]. К одной из таких относится проблема управления. Связано это с разделением полномочий между местными и международными исполнительными органами в решении таких актуальных проблем современности, как терроризм, загрязнение окружающей среды, нелегальный оборот наркотиков, нелегальная иммиграция. Особенно отмечается возможность затруднений мирового решения проблемы с распределением ресурсов из-за геополитических и культурных отношений, правового и политического решения проблемы техногенного загрязнения природы ввиду неодинаковости представленности мировых субъектов в рейтинге «загрязнителей». Во-вторых, это проблема идентичности, идентичности культурной и этнической. Наблюдаемые межэтнические столкновения, рост национального самосознания в отдельных регионах, нарастание напряженности в сфере межэтнических отношений даже в относительно благополучных регионах (Западная Европа, США) говорят о том, что прийти к глобальному порядку на основе принципов взаимоуважения и толерантности будет непросто.

С другой стороны, как отмечает известный философ Валлерстайн, государства сейчас являются по большому счету «национальными». Есть государственный язык или языки в современном государстве, своя армия, система налогообложения, а человек в нем обязан соблюдать его законы. Верно им также подмечено, что даже в относительно молодых государствах наравне с поддержкой науки есть и поддержка культуры за счет средств государства, и таким образом появляется «национальная культура». Как пишет Валлерстайн, происходит процесс институционализации «особого прошлого» [6, с. 139]. В тоже время превалирующая на сегодняшний день экономическая система является рыночной. В мире происходит постоянный обмен товарами, сырьем, идет процесс перемещения трудовых сил. Это в какой-то мере объективная реальность, не считающаяся с которой грозит для любого государства не просто изоляционизм, но и тяжелыми потерями в экономическом, и далее в социальном плане. В результате процессов перемещения в экономической сфере происходит и интернационализация культуры, в первую очередь в бытовой сфере и искусстве [6, с. 140].

Не у всех современных исследователей столь пессимистичные взгляды на ценности, потребление, глобализацию и капитализм. У некоторых из них если не положительные отзывы о глобализации, то, по крайней мере, они считают ее не худшим злом и вполне естественным явлением. Глобализация и культура потребления умрут только в случае небывалого кризиса, катастрофы, которая просто уничтожит большую часть производительных сил планеты. Суть глобализации, по мнению профессора экономики Вернона Смита, в специализации, благодаря которой возможно стабильное развитие общества и накопление богатства. Человечество достаточно долгое время находится под влиянием личного социального обмена, благодаря которому стало возможным отладить систему разделения труда и ввести специализацию, за счет специализации происходило расселение людей по земному шару. Те торговые связи, культурный обмен, интенсивно шедшие между Древней Грецией и рядом стран Древнего Востока, уже с натяжкой можно назвать глобализацией, еще до появления рыночной экономики. По мнению Смита, исследования показывают, что для эффективного существования рынка не требуется полного понимания экономических процессов, огромного количества задействованных участников. Одним словом, принцип «невидимой руки» Адама Сми-

та применим и к сегодняшним реалиям. Ведь, по ироничному мнению Вернона Смита, люди успешно торговали и до появления экономической теории; единственный ключ к успеху и то, что необходимо знать – это рассчитать момент возможной прибыли. «Глобализация – явления не новое. Это просто современный термин, обозначающий вековечный путь человечества, стремление людей улучшить свое положение за счет обмена и специализации в мировом масштабе. Кроме того, глобализация – синоним мира. Вспомним мудрое замечание великого французского экономиста Фредерика Бастиа: если границы не пересекают товары, их рано или поздно пересекут солдаты» [7, с. 123]. Марио Варгас Льюса, латиноамериканский публицист, писатель, в своем эссе «Культура свободы» защищает глобализацию от необдуманных, по его мнению, нападков. По его мнению, чаще всего критикуют глобализацию не с точки зрения экономической теории, а в связи с тем, что она несет угрозу социальному устройству общества, разрушает этические нормы общества, уничтожает исконную культуру. Подобными лозунгами руководствуются антиглобалисты во время проведения крупных экономических форумов. Из-за стирания границ государств, развития глобального рынка умирают культуры целых народов, их мораль, мифы, литературы, искусство подвержены опасности забвения. Главный «глобализатор» мира – США, победив в сфере экономики другие страны, заставит исчезнуть национальное кино, национальную музыку в дальнейшем. Льюса подобные точки зрения считает истерией, ужасом, которым пугают. Что поражает писателя, так это тот факт, что подобная ненависть к США и глобализации характерна не только для «оси зла» (КНДР, КНР, Иран, Россия, Венесуэла, Куба и т.д.), не только миллионам троцкистов, геваристов, сандинистов, марксистов. Подобная истерическая кампания характерна и развитым, демократическим странам. «Особенно вопиющий характер она носит во Франции, где государство то и дело разворачивает кампании в защиту французского «культурного своеобразия», которому будто бы угрожает глобализация. Множество интеллектуалов и политиков выражают тревогу в связи с тем, что страну, породившую Монтеня, Декарта, Расина и Мольера, давно уже ставшую законодательни-

цей мод в одежде, мысли, искусстве, кулинарии и всех духовных сферах, могут завоевать «Макдоналдс», «Пицца Хат», «Кентукки Фрайд Чикен», рок, рэп, голливудские фильмы, джинсы, кроссовки и футболки. Результатом этого страха стало, например, щедрое субсидирование французскими властями отечественной киноиндустрии и требования введения квот, предписывающих кинотеатрам показывать определенное количество французских фильмов и ограничивающих импорт американской продукции» [7, с. 125]. С одной стороны, люди пытаются сохранить исконную, родную культуру. Но образ жизни, экономический уклад мешают сохранению всех традиций и ритуалов. Теоретический аргумент в защиту глобализации звучит так: какая культура сохранила и развила свои ценности без вмешательства ценностей других культур? Возможно ли существование общества, чья культура остается статичной? Та же Франция заимствовала многое из христианской культуры, общей для многих народов, из античной культуры. Никто не умаляет самобытности галльской культуры. Но тогда, по логике антиглобалистов, предкам французов надо было отказаться от принятия христианства, строительства одного из первых университетов в Европе, а Наполеону не составлять гражданский кодекс, подобный римскому. Когда национал-патриоты в Казахстане говорят о возвращении к истокам, к исламу, можно возразить, что надо идти дальше – к тенгрианству. В России антиглобалисты, противники США должны отказаться от православия, реформ Петра Первого. Таким образом, выходит, что определенные культурные, ценностные заимствования через какое-то время ассимилируются, причем настолько, что выдаются за исконные. Можно задать вопрос: какое время нужно для признания ценностей, которые приходят в эпоху глобализации? Или какие ценности глобализации могли бы взять на вооружение страны, не задающие темп игры в экономике, науке, искусстве?

Таким образом, необходимо отметить глубокие и коренные изменения в духовно-нравственных основах общества и особенно базовых ценностей социума. Эти изменения приобретают глобальный характер и имеют ярко выраженные как позитивные, так и негативные характеристики.

Литература

- 1 Бауман З. Свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с. – (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»)
- 2 Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества: Пер. с англ. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
- 3 Колчигин С. Ю. Конфликт ценностей и культура будущего // Аль-Фараби. Философско-политологический и духовно-познавательный журнал. – 2012. – № 1(37). – С.49-50.
- 5 Сартаева Р. С. Социокультурный аспект постиндустриальной трансформации Казахстана // Аль-Фараби. Философско-политологический и духовно-познавательный журнал. – 2013. – № 1 (41). – С.3-12.
- 6 Hurrell A. On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society. New York: Oxford University Press, 2007. – 336 p.
- 7 Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общей редакцией канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкий – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.
- 8 Палмер Т.Дж. (ред.) Нравственность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. – М.: Новое издательство, 2012. – 138 с.

References

- 1 Bauman Z. Svoboda. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. – 132 s. – (Biblioteka Fonda «Liberal'naja missija»)
- 2 Bauman Z. Globalizacija. Posledstvija dlja cheloveka i obshhestva / Per. s angl. — M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2004. – 188 s.
- 3 Kolchigin S. Ju. Konflikt cennostej i kul'tura budushhego // Al'-Farabi. Filosofsko-politologicheskij i duhovno-poznavatel'nyj zhurnal. – 2012. – № 1(37). – S.49-50.
- 5 Sartaeva R. S. Sociokul'turnyj aspekt postindustrial'noj transforma-cii Kazahstana // Al'-Farabi. Filosofsko-politologicheskij i duhovno-poznavatel'nyj zhurnal. – 2013. – № 1 (41). – S.3-12.
- 6 Hurrell A. On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society. New York: Oxford University Press, 2007. – 336 p.
- 7 Vallerstajn I. Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mi-re. Per. s angl. P. M. Kudjukina. Pod obshej redakciej kand. polit. nauk B. Ju. Kagarlickij – SPb: Izdatel'stvo «Universitetskaja kniga», 2001. – 416 s.
- 8 Palmer T.Dzh. (red.) Nravstvennost' kapitalizma. To, o chem vy ne uslyshite ot prepodavatelej. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2012. – 138 s.